

Вики Томсон

Поцелуй из прошлого

Вики Томсон

Поцелуй из прошлого

Томсон В.

Поцелуй из прошлого / В. Томсон —

Две красавицы сестры – внешне похожие, но по характеру полная противоположность – с детства влюблены в Майка, а этот сорвиголова накануне свадьбы со старшей, озорной и ни в чем ему не уступающей Аланой, целуется, сгорая от страсти, с младшей, тихоней Бет. И сбегает из городка в давно манившие его джунгли Амазонки. Через восемь лет он вернется и сделает-таки выбор. Хотя выбирает, как всегда, женщина...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вики Томсон

Поцелуй из прошлого

Глава 1

– Ну, Пит, старина, я все-таки послал моего парня повидаться с твоей девочкой... – Эрни Тремейн, лежавший в отдельной палате, прислушивался к гудению сердечного стимулятора, почти заглушаемому раскатами грома за окнами. – Жаль только, что я не смогу сам быть там и сыграть роль рефери, как в старые добрые времена...

– Да уж какой из тебя, к черту, рефери, Эрни, – забыл, что ли, как покупал нашим ребятам мороженое в награду за то, что они прекращали споры? Бет и Алана признались мне, когда подросли, что, бывало, нарочно задевали Майка, лишь бы ты купил им эти чертовы эскимо!

Эрни тихо рассмеялся и тут же ощутил, как резкая боль пронзила грудь в том месте, где был подключен стимулятор.

– Да, Майк тоже как-то проговорился. Знаешь, Пит, я по-настоящему скучаю по тем дням. Славное было времечко. Этот сердечный приступ, ясное дело, морока, хуже не бывает, но, с другой стороны, если благодаря ему наши ребяташки помиряются – что ж, лучше и не придумаешь...

Проходившая по коридору медсестра остановилась и заглянула в палату.

– Мистер Тремейн? Простите, но часы для посещения уже... Ах, так вы один!

– Да, Джуди, я просто разговариваю сам с собой.

– Может быть, вам что-нибудь нужно? Я найду к вам позднее сделать укол, но...

– А сигары у тебя не найдется? Сестричка усмехнулась.

– К сожалению, я выкурила последнюю ровно час назад.

– Ну, в таком случае мне сейчас ничего не нужно. Ступай-ка лучше к своим подопечным.

– Ладно. Не забудьте нажать кнопку на пульте, если вам что-нибудь понадобится. То есть что-нибудь, кроме сигар. – Приветливо улыбнувшись ему, сестричка прикрыла дверь и отправилась дальше.

Эрни стало любопытно, что скажет Джуди, если он признается ей, что разговаривал со своим старинным другом и партнером по бизнесу, Питом Найтингейлом. Может быть, сестричка ответит, что ей уже не впервые доводится слышать, как пациенты в столь тяжелом состоянии обращаются к давно умершим друзьям или родственникам. Конечно, она вряд ли поверит, что Пит отвечает ему, поддерживает беседу.

Эрни лежал и размышлял: все дело, вероятно, в том, что ему удалось связаться с Питом в те несколько минут, пока врачи реанимации суетились вокруг него, стараясь оживить его остановившееся сердце. Да, Пит был искренне рад видеть его, и теперь, похоже, они могут болтать, когда захотят. Возможность вести эти беседы была для Эрни настоящим утешением, и он надеялся, что Питу тоже стало веселее.

Конечно же, Эрни не упомянет об этом в разговоре с лечащим врачом. Иначе в медицинской карте Эрни появится аккуратная запись «старческий маразм» вдобавок к «острой сердечной недостаточности». Эрни решил, что не скажет никому ни словечка, хотя, возможно, когда-нибудь он поведаст об этом Бет или Алане.

Майк Тремейн знал, что на дорогу от Таксонского медицинского центра до маленького городка Бизби у него уйдет не менее часа – вполне достаточно времени, чтобы обдумать все, что он скажет Бет Найтингейл при встрече. Можно, например, вначале извиниться. Но, если подумать, ему только и придется, что просить прощения.

Господи, какая же неразбериха возникла по его вине восемь лет назад – из-за него поссорились две сестры и распалась лучшая дружба на всем белом свете. Хуже того, сознание собственной вины погнало его прочь из дома и помешало провести все эти годы рядом с отцом. Восемь лет назад Майк уехал накануне дня своей свадьбы с Аланой и за все это время лишь дважды появлялся дома. Каждый раз он приезжал совсем ненадолго, трусливо опасаясь, что может столкнуться или с Бет, или с Аланой. Хотя сегодня Эрни не произнес ни слова упрека в течение их краткого свидания в пугающе белой, стерильной палате, Майк все равно испытывал сожаление оттого, что потерял столько времени.

Дорога шла через пустыню. Далеко впереди над горами громоздились тяжелые грозовые облака, изредка освещаемые всполохами молний. Необъятное небо над головой и скудная растительность резко контрастировали с пропитанными водой джунглями, к которым он привык за эти восемь лет. Но ведь, если подумать, Аризона может оказаться столь же диким краем, как и дельта Амазонки. Майк вспомнил, что ему всегда нравились короткие летние грозы. Нравились они и Алане, а вот Бет сжималась от страха при каждом раскате грома.

Бет... Он не видел ее восемь лет – целую вечность. И все эти восемь лет Майка неотступно преследовали мысли о том, что могло бы быть, если бы он не бросил тогда и ее, и Алану. Посреди тропического леса, за тысячи миль от Бет, он нередко просыпался с обрывками ярких сновидений, ощущая на губах вкус одного-единственного запретного поцелуя. Поцелуя, который изменил всю его жизнь...

Где-то далеко послышалось злобное ворчание грома, и Бет поспешно затворила за собой дверь мастерской. На ходу зажигая свет, она прошла в сувенирную лавку, где в витринах и на кованых полках, изготовленных Эрни, сияли, переливаясь всеми цветами радуги, образцы ее изделий. Вот-вот должен был появиться Коулби Хаксфорд. Бет вздохнула: она не успела пообедать. Однако навестить заболевшего Эрни было куда важнее.

Это посещение доставило ей больше волнений, чем она ожидала. Бет думала, что Эрни испытает облегчение от известия о том, что нашелся некто, готовый взвалить на себя производство изделий из цветного стекла, витражей и мозаик, которое они с ним только-только начали в соответствии с официальным «Соглашением о деловом партнерстве между Тремейном и Найтингейл». Разумеется, им придется уступить все права и патент покупателю – чикагской компании «Хэндмейд», интересы которой представляет Коулби Хаксфорд. Но если благодаря этому все заказы будут исполняться вовремя...

Эрни идея пришлась не по душе. Он умолял Бет сохранить за собой патент и никому не продавать фирму. Обещал выйти из больницы недели через две и вернуться в стеклорезную мастерскую не позже чем через месяц. Как ни хотелось Бет поверить ему, она понимала, что все это лишь пустые разговоры. Похоже, у них только один выход – уступить патент Хаксфорду.

Бет осмотрела лавку, и ее взгляд невольно задержался на большой круглой мозаике, размещенной в главной витрине. Краски выглядели пастельно-приглушенными, однако любому, кто смотрел бы сейчас с улицы, подсвеченные горевшими в лавке огнями переливы стекла показались бы особенно насыщенными. Бет сознавала, что оставлять мозаику в витрине – значит искушать судьбу, однако Эрни ни слова не сказал о возможном появлении Майка, мозаика же как-никак была ее лучшей работой. Слава Богу, никто так и не сообразил, что это не игра фантазии, а яркое воспоминание о самом божественно прекрасном и грешном моменте в ее, Бет, жизни.

Майк, разумеется, сразу бы обо всем догадался. Но ведь, по слухам, он сейчас должен вести очередную экспедицию ботаников и зоологов в дебри тропического леса в Бразилии. Джунгли Амазонки навсегда приворожили его еще в годы детства. Бет припомнила роспись на одной из стен в комнате Майка – целые стаи попугаев и обезьян... и даже ягуары посреди тропического леса. Майк торжественно поклялся, что обязательно увидит всех этих зверей в родных для них местах. Он стал проводником, обслуживающим научные экспедиции. Однако

при такой работе с ним чаще всего было невозможно связаться. И именно поэтому врачам так и не удалось сообщить ему о болезни отца.

Бет подумала, что тем не менее не удивится, если Майк вдруг неожиданно-негаданно объявится в городе. Может быть, лучше не рисковать и убрать этот витраж из витрины, хотя бы на несколько дней? Она подняла руку, чтобы снять свою работу с высоко вбитого крюка, однако в эту самую минуту перед мастерской остановилась машина, явно взятая напрокат. Бет увидела, как из нее вышел Коулби Хаксфорд, и, решив, что мозаика может обождать, пошла к двери.

На окраине Бизби Майк направил автомобиль в туннель, который пронизывал горы, отделявшие город от пустыни. Местные жители называли его туннелем Времени, и Майк искренне пожалел, что никто и ничто не поможет ему совершить настоящее путешествие во времени – в тот вечер, восемь лет назад. Если бы только он, Майк, мог исправить одну-единственную совершенную тогда глупость, все сейчас было бы иначе.

На улицах Бизби не было видно ни души, но Майк снизил скорость, так как предстоящая встреча с Бет начисто лишила его самообладания. Майку приходилось сталкиваться и с ягуарами, и со смертельно ядовитыми змеями, однако сейчас он чувствовал, что выдержка покидает его.

Судя по рассказу Эрни, некая финансовая акула родом из Чикаго намерена перекупить мастерскую и магазин изделий из стекла. Отец настоятельно просил Майка вмешаться и уговорить Бет ничего не продавать. Но Майк честно предупредил Эрни, что Бет, скорее всего, просто выгонит его.

– Постарайся, чтобы не выгнала, – сказал ему в ответ Эрни. – Мы можем загрести кучу денег на резке стекла. Сдается мне, что этот Хаксфорд просто положил глаз на наше дело.

Какая ирония судьбы! Ему приходится играть роль рыцаря в сияющих доспехах, а в действительности он... паршивая овца. Как бы там ни было, размышлял Майк, подъезжая к мастерской, он должен попытаться – хотя бы ради отца. Да и ради самой Бет.

Майк отыскал мастерскую в ряду аккуратных кирпичных домов прошлого века. На первом этаже, судя по сверкающим витринам, размещался магазин, а квартира Бет, вероятно, была наверху.

Майк припарковался возле довольно обшарпанного седана – несомненно, это был взятый напрокат автомобиль Коулби Хаксфорда.

Выходя из машины, Майк подумал, что, возможно, опоздал на восемь лет. Оказавшись на тротуаре, он внимательно посмотрел на большую круглую мозаику-витраж, что висела в центре витрины. Посмотрел – и похолодел.

Словно замороженный, он стоял, не в силах отвести взгляд от круга диаметром дюймов тридцать. Он рассматривал изображенную сцену и не смел поверить своим глазам. Ему показалось, что этих восьми лет и не было. Сердце его учащенно забилося, подхлестнутое воспоминаниями. Ее красное платье, шелковое, прохладное, казалось, снова зашелестело, когда он привлек ее к себе. Ее мягкие каштановые волосы, казалось, вновь скользнули по его ладони, когда она подняла к нему лицо, а аромат ландышей закружил ему голову, когда он обнял ее, жадно впивая ее сладкое от выпитого шампанского дыхание... нежно прикасаясь губами к ее губам...

И вот теперь они навечно застыли, не в силах прервать свой грешный поцелуй, застыли, заключенные в стекло витража.

Майк зажмурился. Да, в тот вечер он был слегка навеселе, но голова у него шла кругом и без спиртного. А то платье... Бет никогда не надевала ничего красивее того платья. В первый момент он по своей глупости решил, что может просто быстренько поцеловать ее, чтобы, всего за несколько часов до превращения в женатого человека, утолить свое любопытство. В конце концов, он знал Бет с раннего детства! Но оказалось, что ничего-то он не знал, пока его губы не прикоснулись к ее губам. Майк вновь и вновь переживал, охватившие его в ту минуту

ощущения: восторг и потрясение от сознания, что он готов сделать неверный шаг... и ужас от того, что вся его жизнь вот-вот пойдет наперекосяк.

Тогда он пытался представить себе, как скажет Алане, что не может жениться на ней, потому что влюбился... вернее, всю жизнь любил ее младшую сестру. Пытался – и не мог. С того дня, как умерла жена Пита, оставив двух дочек, трех и пяти лет, Алана практически заменила Бет покойную мать. Майк, как никто другой, понимал, какие прочные узы связывают сестер, и все в его душе бунтовало при мысли о том, что он вобьет клин в их отношения. Самым простым решением показалось ему тогда побыстрее уехать из города. Они же должны были возненавидеть его. И до сегодняшнего дня Майк пребывал в уверенности, что так и случилось.

Да, а вот сейчас он стоял на тротуаре, глядя на сцену их страстного поцелуя, воплощенную Бет в стекле. На мгновение ему показалось, что Бет поместила свою работу в витрину как сигнал, обращенный лично к нему. Однако Майк тут же сообразил, что этого просто не может быть. Ведь врачам понадобилась бесконечно долгая неделя, чтобы связаться с ним, – это удалось буквально за несколько минут до того, как гидросамолет был готов в очередной раз отправиться с экспедицией в джунгли. Даже Эрни не подозревал, что сын придет, пока Майк не вошел в его палату сегодня вечером.

Усилив воли овладев собой, Майк заглянул в мастерскую и увидел, что Бет стоит у стола – разговаривает с довольно тощим субъектом в сером костюме. Никто из жителей Бизби не наденет костюм в это время года, так что, должно быть, это и есть, подумал Майк, пресловутый Хаксфорд. Бет внимательно слушала его, обхватив себя руками за плечи, словно ей было холодно... или же она инстинктивно хотела защититься.

У Майка сжалось сердце, когда он увидел, до чего же она прекрасна. Он задумчиво потер успевший покрыться щетиной подбородок и подумал, что следовало бы заехать домой побриться и переодеться, надеть что-нибудь вместо просторных мятых слаксов и рубашки цвета хаки. С другой стороны, разве отец не торопил его?

И Майк... забыл о времени, рассматривая Бет. На ней была блузка нежно-лилового цвета с длинными рукавами и лиловато-сиреневая струящаяся юбка. Ткань блузки плотно облегалась ее грудь, а широкий пояс юбки подчеркивал тонкую талию. Майк словно опять ощутил, какой хрупкой показалась ему Бет, когда он обнимал ее. Он смотрел на нее и не мог насмотреться, наслаждаясь видом ее дивно правильных черт, кожи, гладкой и почти прозрачной, как стекло, которое она использовала в своих работах. Бет не сменила прическу, и ее роскошные каштановые волосы спадали почти до середины спины. Бет прошла за прилавок, и блики от подсвеченных витражей заставили ее волосы заиграть рыжими переливами.

Майк сообразил, что она, должно быть, пошла взять ручку. Сейчас Бет подпишет контракт, и его появление будет совершенно бесполезным – даже если он опоздает всего на три секунды.

Дверь мастерской оказалась заперта, и Майк нетерпеливо забарабанил по верхней панели.

Досадливо нахмурившись, Бет вскинула голову. Глаза ее медленно округлились. Она выпустила ручку и, как лунатик, направилась к двери, не отрывая взгляда от лица Майка.

Майк продолжал смотреть ей прямо в глаза. Она подходила все ближе, и он почувствовал, как забилося его сердце. За эти восемь лет он видел немало женских взоров, но ни один не действовал на него подобным образом. Оказывается, он забыл, как же гипнотизировали его громадные голубые глаза Бет. Однако сейчас, в отличие от веселых лет детства, глаза ее не светились доброжелательным радушием. В ее взоре пылал огонь смертельной неприязни. Она отперла дверь.

– Итак, ты здесь.

– Я прямиком из ТМЦ.

– Я была там сегодня днем. – Бет говорила так, словно ей было нечем дышать. – Эрни не сказал, что ты вернулся.

Майк выдавил улыбку.

– Он просто еще ничего не знал. Привет, Бет. Я страшно рад снова видеть тебя. Ты, как всегда, выглядишь просто потрясающе.

Ни тени улыбки не мелькнуло на ее лице в ответ на его неуклюжую попытку начать разговор.

– Что тебе надо?

– Мира во всем мире. – Бет собралась захлопнуть дверь, и Майк торопливо добавил:

– И всего несколько минут твоего драгоценного времени.

– Я занята.

Он потер ладонью затылок и вздохнул. Господи, как же ему хотелось в эту минуту вернуться и уйти прочь. Нельзя сказать, что он не ожидал прохладного приема. Однако ядовитые реплики Бет буквально раздирали ему душу. Тем не менее Майк помнил о двух вещах: о своем обещании отцу, который как-никак являлся партнером Бет по бизнесу, и о цветной мозаике, что висела в витрине магазина. Майк понизил голос:

– Отец рассказал мне о Хаксфорде и его предложении. Надеюсь, ты ничего не собираешься подписывать, а?

– Не твое дело. Спокойной ночи, Майкл Он быстро протянул руку, не давая Бет захлопнуть дверь перед его носом.

– Ведь мой отец – твой партнер по бизнесу, так?

– Так.

– А я – его личный представитель, значит, это очень даже мое дело.

– Тебя прислал Эрни?

– Да. У меня есть к тебе вполне конкретное предложение. Ты обязана выслушать меня – из уважения к отцу.

Бет оглянулась и слегка повела плечом.

– Ему не следует так волноваться из-за этого проекта. – Она взглянула в лицо Майка, и он осознал, что враждебность в ее глазах сменилась искренним беспокойством. – Доктора предупреждали его о том, что излишние волнения отнюдь не идут ему на пользу. Сейчас ему не надо ни о чем волноваться, а думать лишь о выздоровлении. Майк, ведь он чуть не...

– Знаю... – с трудом выговорил Майк, горло у него сдавило.

– Я во всем виню себя, – в голосе Бет слышалось неподдельное раскаяние. – У нас было много заказов, и я не могу отделаться от мысли, что, возможно, этот приступ случился из-за перенапряжения.

– Не смей даже думать так. – Майку не хотелось ни с кем говорить о тяжелой болезни отца. – Но он продолжил:

– Не забывай: отец курил эти проклятые сигары с пятнадцати лет. А как он питался? Вспомни – мороженое, гамбургеры, картофель фри и бесконечные коктейли! Можешь быть уверена – вовсе не твоя мастерская довела его до инфаркта. Даже и не думай так. – Майк замолчал, видя, что в душе Бет идет борьба. Было совершенно ясно, что она отчаянно нуждалась в сломил утешения, однако, вероятно, боялась потерян бдительность, разговаривая с ним. – Послушай, мне отлично известно, что ты не желаешь меня видеть, но отец попросил меня заехать к тебе сегодня же и переговорить об одной идее. И я обещал ему, что все сделаю.

Бет колебалась не более мгновения.

– Ну ладно, раз так – заходи. – Она отступила немного в сторону. – Все равно мы с Коулби уже заканчивали переговоры.

– Бет, но ведь ты же не собираешься...

– Нет, не сегодня. Кроме того, для заключения контракта необходима подпись твоего отца...

– Вот как... – Получается, ему вполне можно было заехать домой и побриться, размышлял Майк, проходя следом за Бет в мастерскую.

Бет изо всех сил старалась сохранить спокойствие, представляя Майку Коулби Хаксфорда. Пожалуй, они были полными противоположностями – и по своим занятиям, и по характеру. Бет поняла по сдержанным рукопожатиям и оценивающим взглядам, что мужчины сразу невзлюбили друг друга.

– Майк – сын Эрни Тремейна, – пояснила Бет. – Проводник научных экспедиций по тропическим лесам Бразилии.

– А-а... – Коулби разгладил лацканы своего безупречного костюма и сунул руки в карманы. – Теперь ясно, почему у вас на шее болтается зуб тигра – или чей он там...

– Ягуара.

– Какая разница? Лично я никогда не испытывал желания отправиться в такую глушь. Терпеть не могу змей.

– Неужели?

– вежливо поинтересовался Майк. – А они, напротив, весьма тепло о вас отзываются.

– Майк! – Бет метнула в него предостерегающий взгляд.

– Ничего, – откликнулся Коулби. – Я бы тоже кидался на людей, выйдя из палаты умирающего отца. Я искренне сочувствую вам, Тремейн.

– Благодарю вас.

– Что касается меня, я предлагаю мастерской выгодную сделку. Фирма «Хэндмейд» сможет распространять ваши поделки намного успешнее, чем такая крошечная компания, как ваша.

– Судя по всему, вы совершенно не знаете ни Бет, ни моего отца, – сказал Майк.

– Дела у нас шли отлично, пока у Эрни не случился этот сердечный приступ, – подхватила Бет. Неожиданно она поняла, что Коулби ей тоже, как и Майку, не нравится. Она не могла позволить приезжему бизнесмену в открытую чернить репутацию компании «Найтингейл и Тремейн». – Уже поздно, – обратилась она к Коулби, – а вам надо возвращаться в Таксой...

– Я вовсе не спешу, – ответил Коулби, взглянув на Майку.

– В таком случае прошу меня простить, что потороплюсь закончить нашу встречу. – На лице Бет появилась натянутая улыбка. – Я немного устала, у меня был нелегкий день.

Бет заметила, что Майк прошелся по магазину, явно желая получше рассмотреть витраж «Поцелуй», и вызывающе вздернула подбородок. Разумеется, Майк понял, что это за сюжет. Ей надо просто смириться с этим фактом, и все.

Говорят, время притупляет остроту чувств, однако одного взгляда в бездонные карие глаза Майка оказалось достаточно, чтобы Бет снова ощутила себя в пучине безответной любви, терзавшей ее всю жизнь. Внезапно Бет стало интересно, сам ли Майк застрелил ягуара, чей зуб красовался у него на кожаном шнурке. Казалось, вместе с Майком в мастерскую ворвалась дикая, необузданная природа первобытных джунглей. Но ведь жизнь и раньше становилась захватывающей везде, где появлялся Майк Тремейн. Несмотря на его ветреный характер, Бет всегда будет любить его, хотя ни он, ни Алана никогда не узнают об этом.

Майк не делал попыток вести светскую беседу с Коулби Хаксфордом, но Бет было все равно. Она следила за Майком, который рассматривал ее творения, медленно передвигаясь по магазину. Она припомнила, что в детстве Майк увлекался изготовлением безделушек из стекла. Повзрослев, он забросил это занятие, считая его «девчоночьим». Алана тоже перестала забегать в мастерскую. Так что из троих ребяташек лишь одна Бет оставалась верна детским пристрастиям. Она стала способной ученицей своего отца. Временами она завидовала Майку и Алане, завидовала их свободе и, однако же, очень дорожила дружбой с отцом и Эрни.

Бет посмотрела на Коулби Хаксфорда.

– Полагаю, наш разговор может подождать еще сутки.

Коулби протянул руку.

– В таком случае как насчет того, чтобы встретиться завтра часов в семь? Если вам удастся убедить вашего партнера, мы могли бы поужинать и отметить подписание контракта – при условии, что в Бизби найдется местечко, где сносно кормят.

Рукопожатие Бет было кратким. Этот тип ей определенно не по душе.

– У нас лучшие рестораны во всей Южной Аризоне, – проговорила она.

– Серьезно? Вот никогда бы не подумал. Ладно, до завтра. – Бизнесмен направился к двери. – Приятно было познакомиться, Тремейн.

Майк слегка поклонился, когда Коулби был уже на пороге. Затем, когда за гостем закрылась дверь, он резко повернулся к Бет:

– В каком паноптикуме ты его откопала?

– Хаксфорд работает в чикагской корпорации под названием «Хэндмейд» – они пытаются закрепиться на местном рынке. Когда мы с Эрни только-только начинали продажу витражей и художественного стекла, они в Чикаго увидели нашу рекламу, которую крутили по одному из кабельных каналов, и связались с нами. В то время идея уступить кому-нибудь патент и заняться лишь производством нас не заинтересовала. Но сейчас...

– Сейчас делать это было бы еще большей глупостью. Отец говорит, что дела у мастерской должны идти неплохо.

– Майк, для раскрутки нам нужно минимум полгода. – Бет увидела, что взятая напрокат машина Коулби медленно отъезжает от обочины. Вот теперь она. Бет, оказалась в полном смысле этого слова наедине с мужчиной, который за один вечер предал и ее, и ее родную сестру. – Я не могу ждать, пока Эрни поправится и вновь примется за изготовление стеклорезов. Если мы будем запаздывать с заказами, наша кредитоспособность серьезно пострадает. Кроме того, даже если бы мы и могли позволить себе какой-то перерыв, едва ли Эрни продолжит работу в том же темпе. Нельзя забывать о его сердце.

– Да, это так, – согласился Майк и поставил на прилавок ночник из цветного стекла, который до этого внимательно рассматривал. – К счастью, у тебя есть я.

– Ты?

Он постарался ответить не очень резко.

– Судя по всему, ты сочла мои слова неуместной шуткой... – Майк неспешно прошелся к витрине, в которой размещался «Поцелуй».

– Это и есть шутка. – Бет пришло в голову, что Майк нарочно приблизился к компрометирующему ее витражу, чтобы ее поддразнить. – Ты ведь не специалист по резке стекла.

– Разве? – Он провел пальцем по темной, почти черной рамке витража. – В летние месяцы я пять лет помогал в мастерской отцу. И работал по стеклу в Бразилии, между экспедициями, когда мне особенно были нужны деньги. – Он обернулся к ней. – У меня даже есть необходимая квалификация для того, чтобы изготавливать витражи по твоим эскизам. Бет.

Готовясь заключить сделку с Коулби, Бет в изрядной степени рисковала своим финансовым будущим. Это она прекрасно сознавала. Однако любая договоренность с мужчиной, который стоял сейчас перед ней, будет означать для нее полную утрату душевного равновесия.

– И как долго ты сможешь задержаться у нас, Майк? Три дня? Боюсь, это не слишком-то поможет.

В ответ он насмешливо поклонился.

– Я задержусь на столько, на сколько вы мне прикажете, миледи.

Она была почти готова сдаться, однако сжала кулаки и заставила себя не уступать.

– На полгода?..

Он слегка поморщился, но не отвел взгляда.

– Ну, разумеется, если это будет необходимо.

– Нет, я не позволю тебе стать мучеником из-за меня. Ты обманываешься, Майк. Тебя никак не хватит на полгода. В ручьях вокруг Бизби не водятся пираньи или крокодилы-людоеды, а в пустыне, не сыщешь ягуаров. Ты спишишь, если хоть неделю проживешь вдали от своих драгоценных тропических лесов, и мы с тобой оба отлично это понимаем.

Щека его задергалась.

– Зачем ты все так усложняешь? Отец в любом случае собирался подыскать двух-трех помощников для производства ваших товаров. Я мог бы натаскать их, и, когда отец вернется из больницы, ему надо будет лишь присматривать за ними. Все это займет у меня не более полутора месяцев – уж никак не полгода.

Бет охватила паника. И она решила быть откровенной.

– Майк, я не хочу тебя видеть. В его глазах вспыхнула ярость.

– Черт возьми. Бет, стань же, наконец, взрослой. Если что и случилось восемь лет назад, это не причина для того, чтобы ставить под угрозу свое будущее.

Ей захотелось изо всей силы ударить его. Однако она лишь отвернулась и скрестила руки на груди.

– Взросление тут совершенно ни при чем. Я смотрю на вещи исключительно с практической точки зрения. Я зарабатываю себе на жизнь, изготавливая штучные, авторские экземпляры из хрупкого стекла. У меня должна быть ясная голова. Если я в плохом настроении, то не могу резать стекло, поэтому и стараюсь оградить себя от любых негативных переживаний. Если ты станешь работать со мной, риск будет слишком велик. А я не могу этого допустить.

Несколько секунд Майк хранил молчание.

– Если я так скверно влияю на тебя, – тихо проговорил он, – то почему же в таком случае ты повесила мое изображение в центр своей витрины?

Глава 2

Судя по тому, как напряглись плечи Бет, Майк понял, что она опасалась именно этого вопроса.

Не оборачиваясь к нему, она ответила:

– Думаю, тебе лучше уйти.

– Извини, но ты так просто не отделаешься. У меня есть полное право знать, почему ты сделала этот витраж.

– Я ничего не обязана тебе объяснять. Да, в этом она права.

– О'кей, но что, если мне захочется приобрести твою работу? Почему-то я никак не могу найти ценник. Сколько ты хочешь за... – он замолчал и прочитал название мозаики на маленькой белой карточке под рамкой, – за «Поцелуй»?

Бет круто повернулась, и во взгляде ее сверкали молнии.

– Я же сказала, что этот образец не продается! Майк помолчал, чувствуя, что любопытство разбирает его все больше.

– А когда ты изготовила его?

– Какая разница?

– Вообще-то, никакой. Самое главное, что ты все-таки сделала его. Кажется, ты со всей страстью ненавидишь меня. Но тогда зачем специально создавать вещь, постоянно напоминающую о мужчине, которого ненавидишь?

Она пожалала плечами, хотя выражение ее лица никак нельзя было назвать безразличным.

– Я – творческий человек. То, что ты видишь, – всего лишь абстрактное изображение двух влюбленных, которые...

– Черта с два! Это же мы с тобой, Бет. Она покраснела, и ее кожа напомнила ему его любимые нежно-розовые тропические орхидеи.

Однако взгляд Бет по-прежнему оставался вызывающим.

– Ну и что с того? Мне все равно.

– Я тебе не верю.

– Какая разница – веришь ты мне или нет.

– А я думаю, что тебе вовсе не все равно.

– Это уже твое дело. Ты – пройденный этап моей жизни.

Майк повел рукой в сторону витража.

– Именно потому ты сделала эту мозаику и не хочешь ее продавать?

– Краски тут подобраны довольно удачно, да и клиенты привыкли видеть этот витраж в магазине.

– Черт возьми, Бет! – Майк был готов сорваться. Он объяснял себе свою нервозность тем, что в дороге не выспался, и волнением из-за болезни отца. – Ведь ты не создала бы эту мозаику, если бы была ко мне равнодушна.

– Ты не прав. Это всего лишь удачный эксперимент, и ничего более.

– Эксперимент, значит? Ну, тогда давай попробуем еще немного поэкспериментировать. – Он быстро обнял ее и поцеловал.

Всего одну, наполнившую его душу радостью, секунду Бет страстно отвечала на его поцелуй, и в это мгновение Майку показалось, что все в его жизни сложится именно так, как и должно. Мягкие губы, теплое дыхание и сладостный – как восемь лет назад – вкус поцелуя Бет... Затем она неожиданно укусила его.

Выругавшись, Майк выпустил Бет и поднес руку к губам. Пальцы его окрасились кровью, когда он отнял руку и потянулся в задний карман брюк за платком. Все это время он, не отрываясь, смотрел на Бет.

Она попятилась на несколько шагов, так же тяжело дыша, как и он сам.

– Никогда больше не смей целовать меня, – проговорила она.

Майк приложил платок к губам.

– Ну, сначала надо будет подождать, пока не заживет этот укус. Хорошо, что мой знакомый шаман дал мне кое-какие лечебные травы.

– Если ты думаешь, что упоминание о шамане произведет на меня впечатление, то глубоко заблуждаешься.

– А я-то надеялся удивить тебя!.. Бет, прищурившись, с яростью уставилась на Майка.

– Наверное, ты считаешь, что благодаря своим экзотическим скитаниям стал настолько неотразимым, что можешь ворваться сюда и закрутить роман с той из сестричек, которая окажется под рукой? В конце концов, мы же взаимозаменяемы, так ведь?

Майк понял, что с него достаточно.

– Да, мне не следовало целовать тебя в тот вечер, накануне свадьбы. Это действительно было ошибкой, и я сполна расплатился за нее. Я покинул город, чтобы не создавать проблем между вами. Разве ты не признательна мне за это?

– Выходит, ты пытаешься убедить меня, что это был благородный поступок? Ты уехал потому, что всегда хотел увидеть Амазонку! Кроме того, твое самолюбие, наверное, было жестоко уязвлено, так как Алана отказалась переспать с тобой в ту ночь, накануне вашей свадьбы!

– Что?!

– Ты не ожидал, что она расскажет мне об этом, правда? Ну, так она все мне рассказала – как только выяснилось, что ты бросил ее практически перед алтарем, не оставив даже прощальной записки. Алана рассказала, что ты умолял ее уступить тебе, но ей хотелось подождать. Нам стало ясно, почему ты решил уехать. У меня тогда не хватило духу признаться ей, что всего часа за два до того ты затащил меня в темный уголок и поцеловал. Если бы тогда Эрни не позвал тебя, ты, наверное, попытался бы соблазнить и меня, правда? Майк изумленно смотрел на нее.

– Бет, но я же не...

– Ты разбил сердце моей сестры. – И мое – тоже... – Этого, Майк, я не смогу тебе простить.

Значит, Алана солгала, рассказывая о том, что случилось в тот вечер, с отчаянием думал Майк. Вероятно, она инстинктивно почувствовала, что между ними что-то не так. Именно ей захотелось в тот вечер заняться любовью – скорее всего, это была последняя попытка удержать его. А он тогда наотрез отказался, переполненный сознанием того, что любит – и всегда любил – только Бет. Однако нельзя же сейчас поведать ей об этом – Бет ему просто не поверит. А кроме того, ее последнее заявление было правдой: он действительно разбил сердце Аланы.

– Послушай, я не спрашивал отца, но... Алана все еще в Бизби?

– Не твое дело.

Майк понял, что ни за что не сможет выполнить данное отцу обещание, если Бет не сменит гнев на милость. Ему пришлось перешагнуть через свою гордость.

– Бет, ведь мы втроем выросли и провели детство. Помнишь, у нас было даже тайное убежище... и пароль? И мы так весело проводили время. Помнишь, как мы устраивали бои на воздушных шарах? Или соревнование по выдуванию пузырей из жевательной резинки? Ведь нельзя же забывать о том, как мы были счастливы!

Бет в упор посмотрела на него.

– И какой же у нас был пароль?

– Что?

– Ты только что сказал, что у нас был пароль. Если все эти воспоминания так дороги тебе, ты, наверное, помнишь и пароль, верно?

– А ты-то сама его помнишь?

– Я спросила тебя.

– Черт!

– Нет, не угадал. – На мгновение на губах Бет появилась улыбка, но тут же исчезла. Майк зажмурился, приказывая себе думать.

– Какой-то цветок... Мне тогда ужасно не хотелось, чтобы это был цветок. Но вы вдвоем переспорили меня, так что мой вариант – «боа-констриктор» – не пригодился.

Открыв глаза, Майк увидел перед собой голубые глаза Бет и неожиданно вспомнил.

– Барвинок.

– Тебе просто повезло.

В одном из каньонов неподалеку эхом прокатились раскаты грома. Гроза, которую Майк обогнал на шоссе, добралась наконец до городка.

– А пароль еще не сменился? – Кровь уже перестала сочиться из его губы, и он убрал платок обратно в карман.

Бет устремила на него вопросительный взгляд.

– Но у нас уже нет потайного местечка, Майк.

– Я уверен, что у тебя – есть. У тебя и у Аланы. И вот уже восемь лет, как доступ туда для меня закрыт.

В глазах Бет появилось задумчивое, мечтательное выражение, столь памятное Майку по дням их детства. Бет всегда была тихой мечтательницей, тогда как на долю его и Аланы выпадали роли беззаботных искателей приключений. Именно поэтому Майк сейчас был уверен в том, что Бет не просто так запечатлела в мозаике их роковой поцелуй, Пока он бродил по джунглям, пытаясь забыть о том мгновении, воспоминание о нем, оказывается, неотступно преследовало Бет, и ей пришлось воссоздать их поцелуй средствами ее искусства.

– Бет, разреши мне сейчас помочь тебе, – попросил Майк. – Хотя бы ради старых добрых времен.

– Вряд ли у нас с тобой что-нибудь получится. – Она выглянула на улицу, где сгустившиеся сумерки пронзила резкая вспышка молнии.

Майк ввязался в эту сомнительную авантюру только потому, что ему хотелось успокоить отца и хоть как-то поспособствовать его Выздоровлению. Однако теперь, когда Майк увидел... и хорошенько рассмотрел мозаику, созданную Бет, у него появились совсем иные желания. Правда, он не представлял себе, как им с Бет удастся преодолеть препятствие по имени «Алана». Но вдруг, спустя долгих восемь лет, настало их время?

– Мне кажется, нам стоит попробовать. Бет вздохнула.

– Нет, Майк, уж можешь мне поверить. Ничего у нас не выйдет.

Когда-то он умел читать мысли Бет. И сейчас был почти уверен, что она думает об Алане.

– Ты ведь так и не сказала, чем теперь занимается Алана.

Бет резко вскинула голову, глядя на него, и он было решил, что она ничего ему не ответит. Наконец она заговорила:

– У Аланы своя фирма. Она устраивает путешествия для семей с детьми на плотках и на каноэ по рекам, ходит с ними в горы и все такое прочее. До сих пор моя сестра ни разу не выбиралась за пределы страны, но у нее есть планы отправиться в Южную Америку.

Майк понял, почему Бет говорила таким осуждающим тоном: ведь они с Аланой собирались провести в Южной Америке медовый месяц.

– Держу пари, у нее это неплохо получается, – сказал он. – Ей всегда нравилось общаться с новыми людьми.

Гроза на улице подступала все ближе и ближе.

– Да, ей и сейчас это нравится... – Бет встретилась с ним глазами. – Вам с Аланой всегда хотелось вести жизнь, полную приключений, и, похоже, вы оба добились, чего хотели.

– А где находится эта ее фирма? – Майк знал, что его интерес покажется Бет подозрительным: она, наверное, подумает, что ему хочется вновь увидеть бывшую невесту. Пусть думает – тут уж ничего не поделаешь.

– В Финиксе. Но если ты хочешь повидаться с ней, сейчас ты ее там не застанешь. Она только вчера отбыла – сопровождает одно семейство, которому захотелось поплавать на каное по водохранилищу Озарк.

– Нет, я пока не собираюсь навещать ее. Наверное, рано или поздно я это сделаю, чтобы извиниться за свое поведение. Но сейчас мне прежде всего надо помочь отцу и тебе, если только ты не против.

Бет медленно покачала головой.

– Я благодарна Эрни за то, что он придумал такой план, но мне кажется, что для всех будет лучше, если я подпишу контракт с «Хэндмейд». Мы уступим им патент, и...

– ..и с мечтами Эрни будет навсегда покончено.

Бет изумленно посмотрела на него.

– Майк, подожди минутку – ведь нет никаких гарантий, что дела у нас пойдут в гору.

– Отец в этом уверен. Он рассказал мне о вашем изобретении – «Стеклорезе Наитингейла».

По словам отца, резать стекло с его помощью настолько просто, что всем захочется приобрести себе такое чудо. Отец предсказывает, что изготовление поделок из стекла станет так же популярно, как и домашняя видеосъемка.

– А может, наоборот, нас ожидает полнейшее фиаско, – отозвалась Бет. – Как знать?

Небо озарила еще одна вспышка молнии, за которой последовал оглушительный раскат грома. Восемь лет назад Бет бы в ужасе забилась куда-нибудь. Сейчас она даже не поморщилась.

– Отец уверен, что продажи пойдут хорошо. И он прямо-таки с ума сходит, раздумывая о том, что вы напали на золотую жилу, а ты готова все бросить – лишь потому, что он сейчас не в силах помочь тебе. Понимаешь, он считает, что должен поддерживать тебя – теперь, когда ты осталась одна. Отец уверен, что подвел тебя с этим чертовым инфарктом. И единственный способ, по его мнению, все уладить – это мне пока занять его место. – Майк выплянул наружу, заметив, как стекло прочертили крупные капли дождя. – Послушай, Бет, отец буквально умолял меня заменить его в мастерской и спасти ее от когтей этого Хаксфорда. Если я скажу отцу, что все в порядке, он перестанет волноваться. Если же я заявлю, что ты отвергла мое предложение, он будет целыми днями изводить себя черными мыслями.

Бет pokrутила на пальце кольцо с бирюзой.

– Ты же знаешь, что ради Эрни я готова сделать все что угодно. – (И ровным счетом ничего – ради меня, с тоской подумал Майк.) – Тем не менее я просто не могу вот так взять и отклонить предложение Хаксфорда.

– Потому, что не доверяешь мне? Бет взглянула ему в глаза.

– Давай скажем, что я не доверяю сложившейся ситуации. Подумай, Майк, ведь я не видела тебя целых восемь лет. Я совсем не знаю тебя.

Восемь лет назад, будучи легкомысленным юнцом двадцати двух лет, Майк, несомненно, выскочил бы из мастерской, не в силах справиться с нарастающим раздражением. Однако жизнь в первобытных условиях тропических лесов многому научила его, в том числе и терпению.

– А ты не можешь заставить этого Хаксфорда немного подождать?

– Не знаю.

Дождь на улице полил еще сильнее, барабанил по стеклу.

– Почему бы тебе не попробовать выторговать у него хотя бы две недели? За это время многое прояснится. Если я разочарую тебя, ты сможешь подписать контракт с «Хэндмейд».

– Две недели ничего не дадут, если речь об Эрни.

– Ну, если ты не будешь возражать, мы могли бы умолчать о двухнедельном испытательном сроке для меня и просто сказать Эрни, что я все уладил. Таким образом, он сможет две недели ни о чем не волноваться.

– Но я...

Вспышка молнии вдруг озарила мастерскую, и свет погас.

Майк инстинктивно потянулся вперед.

– Бет, не бойся...

– Я не боюсь. – Она отвела его руку в сторону. – Стой на месте, пока я не раздобуду свечку. Ты можешь что-нибудь разбить, если будешь двигаться, ведь ты еще не очень хорошо ориентируешься в мастерской.

Выходит, грозовые раскаты и яркие молнии больше не вызывают у Бет панического страха, подумал Майк, «стоя совершенно неподвижно в темной комнате и прислушиваясь к шуму дождя. Было похоже, что свет вырубился во всем районе, не горели даже фонари на улице.

В дальнем конце мастерской замерцал огонек, и вскоре появилась Бет с фонариком, в котором теплилась тонкая свечка. Майк узнал фонарь – отец Бет привез его когда-то из Мексики. В детстве им не разрешали баловаться с огнем, однако, когда выпадал удобный случай, они утаскивали фонарь в свой тайник и при мерцании свечки рассказывали страшные истории о привидениях. Рассказывали обычно или он, или Алана, а Бет пряталась под старым одеялом, и глаза ее на бледном от испуга лице становились совсем круглыми.

Она поставила фонарь на прилавок, и Майк подошел к свету.

– Я помню, раньше ты боялась грома, – сказал он.

Она искоса посмотрела на него.

– В жизни есть кое-что и пострашнее грома.

– Да, ты права. – Майк был уверен, что она говорит о смерти Пита. Майк работал в Бразилии, когда Эрни позвонил ему и сообщил, что Пит скончался от быстротечной формы пневмонии. Эрни был ужасно удручен потерей давнего друга и партнера по бизнесу, с которым познакомился, еще когда посещал клуб для вдовцов. Из двух друзей Пит был натурой более утонченной и мечтательной, тогда как Эрни вносил в их дружеский союз изрядную долю здравого смысла.

Бет облокотилась на прилавок и посмотрела на Майка.

– Ты когда-нибудь хотел, чтобы тебе снова было шесть лет, чтобы ты был свободным, как птица, и не имел ни малейшего понятия о том, сколько в мире зла?

– Иногда. Знаешь, в тропическом лесу есть племя, которое так и живет – как шестилетние дети. Лес обеспечивает этих людей всем необходимым, и у них в буквальном смысле нет никаких проблем.

– В таком случае меня удивляет, что ты не поселился в лесу вместе с ними.

– У меня бы ничего не получилось. Я уже столько всего знаю о так называемом цивилизованном мире, что не смогу быть с ними счастлив.

– Две недели, значит? – вдруг спросила она.

– Две недели.

– Ладно, Майк глубоко вздохнул.

– Спасибо. Для отца это очень важно.

– Только ради него я и соглашаюсь, Майк.

– Да, я знаю. – Однако ей не удалось убедить его. В конце концов, нельзя же забывать о мозаике с изображением их тайного поцелуя!

– Надеюсь, мне не придется об этом жалеть, – добавила Бет.

– Ну, мне-то нечего беспокоиться.

– В самом деле? И почему же?

– Если у меня ничего не выйдет, ты меня убьешь, и дело с концом.

В глазах Бет появилось памятное Майку упрямое выражение.

– Точно. Убью. Медленно и с большим удовольствием, Майк посмотрел на, нее сверху вниз и подумал о том, какими сладкими были ее губы несколько минут назад, перед тем как она куснула его. Губа его болела, но ему захотелось снова поцеловать Бет. Впрочем, он овладел собой.

– Мне, пожалуй, стоит отправиться домой и немного вздремнуть. Завтра с утра я поеду в Таксон повидаться с отцом и сказать ему, что все в порядке. Но постараюсь вернуться к полудню.

Может, ты могла бы зайти в нашу мастерскую во время ланча? Тогда мы обговорим все первоочередные заказы.

– Хорошо. – Бет заколебалась. – Послушай, давай установим кое-какие правила.

По всей вероятности, она поняла, что он хотел снова поцеловать ее.

– Как скажешь.

– Можешь думать о моем витраже все что угодно, но работа есть работа. А поэтому не забивай себе голову ерундой.

Майку очень хотелось возразить ей, но он понимал, что делать этого не стоит.

– Все ясно. И однако же меня мучает любопытство. Скажи-ка, а Алана видела этот твой»

Поцелуй «?»

– Да.

– И что сказала?

– Сестра не очень-то интересуется моей работой. Когда она впервые увидела мозаику, то просто бросила:» О, что-то новенькое!» – и никогда больше к ней не возвращалась. Она ничего не знает о том, что было между нами в тот вечер. Я не стала ей ничего рассказывать.

Майк не был столь уверен, что Алана пребывала в полном неведении. Особенно если вспомнить, как она уговаривала его заняться любовью в ночь накануне свадьбы.

– Удивляюсь, что она ни о чем не догадалась. Волосы у девушки на витраже точь-в-точь такого же цвета, как у тебя. Да и одета она в такое же красное платье, какое было на тебе в тот вечер.

– Вероятно, Алана забыла об этом красном платье. И ей в голову не придет, что я могла бы позволить тебе поцеловать меня. Если бы я не выпила шампанского на предсвадебном обеде, ничего бы не случилось.

Вот, значит, какими отговорками она успокаивает свою совесть, подумал Майк.

– Нет, Бет, голова у тебя была совершенно ясная. Посмотри, ты в точности воссоздала все детали. Даже этот пиджак цвета морской волны, которым я так гордился!

– Художники без труда запоминают мелочи. Или, может быть, влюбленные женщины? Майк не мог – и не желал – смириться с тем, что она перечеркивает память о прошлом. Тем не менее не стал возражать.

– Ну, наверное, ты права... – Он отошел от прилавка. – Ладно, мне пора.

– Постой, я провожу тебя. – Бет взяла фонарь и направилась к двери. – А то еще налетишь на эти кованые стеллажи, если будешь идти на ощупь.

– Весьма дипломатичный способ напомнить мне, что я неловок, как слон в посудной лавке.

– Пожалуй, ты прав – что-то не припомню, чтобы ты отличался особой грациозностью.

– А все же ты должна согласиться, что руки у меня всегда были ловкие. Бет, помолчав, произнесла:

– Мне казалось, мы уже договорились о правилах игры.

– Разве я сказал что-то не то? – Майк вопросительно поднял брови. – Бет, ты же принимаешь меня на должность мастера-стеклореза, – запротестовал он. – Для такой работы умелые руки – только преимущество;

– Ты не это имел в виду, и сам все отлично знаешь. Я не желаю две недели тратить на то, чтобы удерживать тебя на почтительном расстоянии, Майк Тремей?

– Не волнуйся, Бет, тебе не придется тратить свое драгоценное время.

– Вот и отлично. А кстати, откуда у тебя этот зуб ягуара?

– Мне подарил его один старый шаман. Это талисман, приносящий удачу. До завтра. Бет. – Майк открыл дверь и вышел под дождь. Возле машины он оглянулся. Бет, наверное, решила, что из-за лившего потоками дождя он не заметит, что она все еще стоит на пороге мастерской. Майк почти не различал ее силуэт, однако слабое мерцание фонаря выдавало девушку.

Майк был уверен, что в тот вечер восемь лет назад Бет позволила ему поцеловать себя потому, что ей этого хотелось. И хотя на его нижней губе огнем горела отметина ее зубов, он подозревал, что ей и сейчас желанны его поцелуи. Конечно, прошлого не исправишь. Факт остается фактом – он действительно бросил сестру Бет у алтаря.

Глава 3

Бет стояла на пороге и смотрела, как исчезают за поворотом огни автомобиля. Она ненавидела себя, но ей отчаянно хотелось накинуть плащ и броситься следом за ним. Дом семейства Тремейн, аккуратный особняк в викторианском стиле, находился неподалеку, на холме, и, если судить по поцелую Майка, нечего было сомневаться в том, что она получит радушный прием в этом доме... Тело Бет буквально плавилось от неутоленного желания.

Нет, она, конечно же, не говорила с ним совершенно откровенно. Его скитания по свету возбуждали в ее душе острый интерес. Ей стоило немалого усилия подавить готовые сорваться с языка вопросы: о местах, которые Майк, повидал, о людях, с которыми он познакомился и подружился. И все потому, что его описания заставили бы ее пожалеть, что ей не довелось пережить эти приключения бок о бок с ним. Господи, как бы посмеялись над ней и Майк, и Алана, скажи она им о своем тайном желании исследовать джунгли вместе с Майком, вступить в неведомую землю в обществе мужчины, которого она безумно любит. Майк всегда мечтал испытать опасности и невзгоды вместе с Аланой, и Бет молчала, когда они поддразнивали ее, намекая на ее робость и застенчивость.

За эти восемь лет Бет пыталась найти замену Майку, отыскать человека, с которым она чувствовала бы себя в безопасности. Однако мотоциклист, с которым она некоторое время встречалась, оказался грубым парнем, и она рассталась с ним. Роман с парашютистом продолжался чуть дольше, однако в конце концов Бет поняла, что парашютист слишком самовлюблен и самонадеян. Постепенно ее жизнь изменилась – в ней осталось место лишь для компании друзей-художников да для работы, приносящей удовлетворение. Но о великих страстях речь не шла.

И вот теперь Майк вернулся в ее жизнь. Он появился у нее в мастерской, и Бет... начала сгорать от желания. Она опасалась, что просто не сможет скрывать свои чувства. Бет понимала, что она будет для Майка мимолетным увлечением, но все равно желала его. И только одна мысль мешала ей броситься в объятия Майка. Мысль об Алане...

Бет была совершенно уверена, что Алана до сих пор любит Майка. Казалось, она, как и младшая сестра, ищет ему замену. Каждый парень, которого она приводила домой, был чем-то похож на Майка. А одного даже звали так же. Впрочем, Алана быстро с ними расставалась. И Бет подозревала, что в глубине души сестра надеется: настанет день, когда Майк вернется и станет умолять ее о прощении.

Ну вот, Майк вернулся. А Аланы в городе не оказалось. Зато была Бет.

Ей отчаянно хотелось принять предложение фирмы «Хэндмейд» и покончить со всем этим делом, однако Эрни так верил в успех их изобретения, что Бет не могла уступить патент чикагской корпорации, не испробовав план Майка. Она догадывалась, что прибыль с продаж может обеспечить Эрни вполне безбедное существование в старости, и понимала, что не имеет права лишать его надежды на это. Разумеется, у нее были перед Эрни, как перед партнером по бизнесу, определенные обязательства, однако она искренне переживала за его здоровье. Эрни был дорог ей, как второй отец. Когда у него случился этот проклятый сердечный приступ. Бет охватила неподдельная паника – она страшилась того, что еще один близкий человек вот-вот навсегда покинет ее. А боль от потери отца была еще так свежа.

Шагая по коридору медицинского центра, Майк говорил себе, что с радостью заключит сделку с самим дьяволом, если только благодаря этому отец проживет еще двадцать лет. И тогда Майк станет проводить в Бизби гораздо больше времени. Черт, может, он даже возьмет отца в одну из экспедиций в дебри тропического леса. Это было бы хорошо, но сначала ему необходимо встать на ноги. Майк открыл дверь в палату отца и увидел Эрни... сидящим в подушках с сигарой в зубах.

– Черт побери, что ты делаешь? Ведь это чистое самоубийство! – закричал Майк, подсакивая к кровати.

Эрни вытащил сигару изо рта и ухмыльнулся.

– Подделка.

Тут Майк сообразил, что в палате не пахнет сигарным дымом. Но, может быть, Эрни просто ожидал подходящего момента, чтобы зажечь свою сигару?

– Дай ее сюда!

Отец снисходительно бросил сигару Майку.

– Джуди, одна из сестричек, купила ее в магазине, где продаются всякие штуки для маскарардов. И принесла мне утром, хотя у нее нынче выходной. Очень милая девочка эта Джуди.

– Зная тебя, я не удивлюсь, если ты умастишь кого-нибудь из сестричек и она принесет тебе настоящую сигару. – Майк внимательно осмотрел подделку.

– Да ты не переживай, это просто резина. Но я так привык зажимать что-нибудь в зубах, что чувствую себя лучше с этой игрушкой. – Отец смущенно рассмеялся. – Я тебя провел, правда? – Эрни снова сунул сигару себе в рот. – А как прошла твоя встреча с Бет? Вы обо всем договорились? – Этот вопрос был задан самым невинным тоном, однако Майк почувствовал, что взгляд отца стал пронзительнее лазера.

– А как же! Все в порядке. Эрни подхватил сигару, которая выпала, когда он приоткрыл рот от изумления.

– В порядке, говоришь?

– Ну да. А почему бы и нет?

– Да хотя бы потому, что вы не сказали друг другу ни «здрасьте», ни «до свидания» с того вечера, когда ты смотался.

Майк знал, что Эрни не следует переживать... из-за , его отношений с Бет или с Аланой.

– В жизни разное случается, отец...

– Да ты тогда просто струсил, вот и все. Впрочем, меня это несколько не удивляет. Ты еще не готов был жениться. Сколько раз я говорил, что тебе обязательно надо было объясниться с Аланой. Ей твои объяснения вряд ли пришлись бы по вкусу, но вы трое снова могли бы стать друзьями. Стыд, и только! Столько лет играли вместе, вместе выросли, а теперь даже не разговариваете!

Майк повел плечами и откинулся на спинку стула, стоявшего возле кровати отца.

– Ты прав, папа. И я собираюсь переговорить с Аланой. Увидишь, все будет в порядке.

– Вот это славно, Майк. Пит будет рад узнать об этом.

Майк резко выпрямился.

– Ты сказал, он будет рад?

– Отец вроде бы в здравом уме, но, возможно, все эти сильнодействующие лекарства все-таки слегка одурманивают его?

Эрни устремил на лицо сына долгий взгляд и пожевал сигару.

– Нет. Ты просто ослышался. Я сказал, что Пит был бы рад узнать об этом.

– Слава Богу. Я чуть было не решил, что ты ведешь беседы с привидениями.

– Пока еще рановато... – Эрни перекатил поддельную сигару в другой уголок рта. – Значит, Бет обещала дать этому Хаксфорду от ворот поворот?

– Да, – ответил Майк. Когда Хаксфорд узнает, что ему придется ждать еще две недели, он, скорее всего, укатит обратно в Чикаго.

– А ты примешься за производство стеклорезов и витражей?

– Ага. Кстати, отец, сделай мне одолжение! Когда Бет придет навестить тебя, поговори с ней и скажи, что я не такой уж скверный мастер, ладно? Кажется, она не вполне поверила, что я умею обращаться с оборудованием, хотя я и говорил ей, что работал по стеклу даже в Бразилии.

– Она сама все поймет, как только ты начнешь изготавливать мозаики. Ты забыл – она ведь из тех людей, которым надо во всем самом убедиться. Словами ей ничего не докажешь.

– Да, знаю. Я, помню, чуть не свернул себе шею, когда съезжал на велосипеде по ступенькам старой пивоварни – просто чтобы доказать Бет, что у меня это получится.

Эрни кивнул.

– А потом тебе наложили восемь швов. И не забудь о том, как катился на скейтборде по шоссе в Могильном каньоне. И еще о том, как влез на ограждение старого карьера. И все ради того, чтобы доказать Бет, на какую глупость ты способен.

А ведь так оно и было, неожиданно сообразил Майк. Ему и в голову никогда не приходило рисковать жизнью, пытаюсь произвести впечатление на Алану, хотя она называла его своим дружком, а он верил, что это правда. Она считала его своей собственностью еще с тех времен, когда им было по шесть лет. А поскольку на уме у него вечно были то бейсбол, то автомобили, Майк и шел по пути наименьшего сопротивления. Затем, где-то в классе десятом, он не на шутку увлекся Аланой, и все, казалось, было решено. Они собирались пожениться, накопить денег и вместе отправиться в джунгли Южной Америки.

– А что с твоей губой?

Майк вынырнул – из тумана воспоминаний и попытался придумать какое-нибудь вразумительное объяснение. Он чувствовал, как краска заливает его лицо горячей волной.

– Я... понимаешь, ударился об угол аптечки в ванной.

Эрни уставился на него и пожевал сигару.

– Да что ты? А о какой – верхний или нижний?

– Ну, не помню...

– Я спрашиваю только потому, что, если это был нижний угол, ты, должно быть, стоял у раковины, изогнувшись, как крендель, а если это был верхний угол – наверное, ты влез на стремянку. Что-то мне не верится в такие бытовые травмы...

– Может, не будем обсуждать, что со мной случилось, отец?

– Судя по всему, кто-то тебя укусил, Майк.

– Я...

– Мне надо взять у вас кровь на анализ, мистер Тремейн. – В палату торопливо вошла медсестра.

Кажется, никогда еще Майк так не радовался появлению представителя медицины. Он поднялся со стула.

– Наверное, мне пора. Мы с Бет встречаемся в мастерской около полудня. Эрни ухмыльнулся.

– Может, попросить сестричку полечить немного твой укус?

– Нет, не стоит. – Майк яростно посмотрел на отца. – Мне хочется как следует разобраться во всей этой стеклорезной премудрости, так что я смогу заехать к тебе только завтра вечером.

– Бет говорила, что и она хочет меня навестить. Почему бы вам не приехать вместе? Сэкономите на бензине.

– Не знаю... Она сейчас очень занята, так что, скорее всего, ей не удастся выбраться в одно время со мной.

– А то, что она слишком занята, чтобы ехать с тобой в одной машине, никак не связано с тем, что кто-то тебя укусил, а?

– Пока, отец. – Майк почти выбежал из палаты, слыша за спиной иронический смешок отца.

Как только медсестра удалилась, Эрни решил немного вздремнуть. Однако прежде ему надо было отчитаться.

– Ну, Пит, старина, у меня для тебя две новости: хорошая и плохая.

– Если ты собираешься снова угостить меня своей шуткой насчет куриных крылышек, так я и слушать не желаю. Твои остроты обросли паутиной в ярд длиной.

– Да, это похоже на шутку, но куриные крылышки тут ни при чем. Майк и Бет снова разговаривают и, судя по всему, подружились еще крепче, чем раньше.

– Судя по чему?

– Если только я правильно догадываюсь, Майк поцеловал ее. А она его укусила.

– Бет ? Ты, должно быть, говоришь об Алане. Бет ненавидит насилие.

– Алана не в счет. Она сейчас в отъезде. А Майк бы просто не успел за такое короткое время сойтись с какой-нибудь другой женщиной. Нет, все именно так, как я тебе сказал: Майк целовал Бет, а она его укусила.

– Майк и Бет? Уж не хочешь ли ты сказать мне, что версия номер три оказалась правильной?

– Похоже, что так.

– Алане все это вряд ли понравится.

– Черт побери, я и сам знаю. Мне нужно как можно скорее распрощаться с этой больничной койкой, чтобы успеть вмешаться.

– Эрни, не забудь, стоит тебе выйти из больницы, как Майк решит, что в нем больше не нуждаются. И снова улепетнет в свои джунгли.

– Ты прав. Но кто-то же должен присматривать за ребятами. А не то они снова наделают глупостей. У нас и так уже есть пострадавшие.

– Я уверен: ты что-нибудь да придумаешь.

– Знаешь, что я тебе скажу, Пит? Если бы вместо этого резинового сучка у меня в зубах была настоящая сигара, мне думалось бы куда лучше.

Бет закрыла мастерскую без десяти двенадцать. Покупатели в этот день почти не заходили, но ведь летом так и бывает.

Когда фургон Бет остановился у мастерской Тремейнов, она чувствовала себя так, словно не меньше четверти часа провела в парилке. Пошарив в бардачке, она нашла несколько шпилек, с помощью которых закрепила на макушке влажные, растрепавшиеся волосы.

Майк, судя по всему, приехал на старом грузовике отца. Бет открыла дверь и с облегчением вошла в мастерскую, где работал кондиционер. В магазине Майка не было. Она несколько раз позвала его, а затем зашла за прилавок и направилась в дальнюю комнату.

Майк сидел спиной к Бет на скамье – обычном рабочем месте отца. Плечи его были низко опущены.

– Майк, это я. Он не обернулся.

– Я еще ни разу не бывал тут без отца.

– Майк... – Бет приблизилась к нему и положила руки ему на плечи. Она ощутила, что его трясет, и поняла, что он с трудом сдерживается. – Я знаю... – пробормотала она. – Я тоже никогда не работала в мастерской без отца. В первый раз это настоящий шок.

– Я такой идиот, Бет... Я думал, он будет жить вечно.

Она принялась нежно поглаживать его плечи, блаженствуя оттого, что может прикасаться к нему.

– Он выкарабкается, Майк, вот увидишь, – сказала Бет. – И проживет еще долго. Эрни – настоящий здоровяк.

– Я знаю, но теперь уже не могу думать, что он всегда будет со мной. Раньше я гнал от себя такие мысли. А теперь... теперь я понимаю, что когда-нибудь он оставит меня, а ведь... ведь у меня никого, кроме него, нет.

– Вспомни о тех годах, что ты провел в Бразилии. Я уверена, там у тебя найдется немало близких друзей, которых ты любишь и которые любят тебя.

– Ты права. Я даже являюсь почетным членом племени...

– Того самого, где живут, как малые дети, не зная печали?

– Ага. Они замечательные люди, и мне небезразлично, что с ними будет. Но мне там не место. В Бразилии я чужак, перекаати-поле, и только.

– Разве не к этому ты стремишься? Он вздохнул.

– Я думал, к этому. Но несколько дней назад, когда со мной связался лечащий врач отца и я узнал, что отец чуть не умер, все изменилось.

Бет продолжала гладить его плечи.

– Послушай, не рисуй себе все в таком мрачном свете. Ты же всегда хотел пережить побольше приключений. Я надеюсь, ты не помышляешь о том, чтобы на всю жизнь застрять в Бизби, работать в мастерской? Это тебе не подойдет. – А вот я не столь уверен... На мгновение Бет охватила паника.

– Поверь мне, я знаю, что говорю: сейчас тебе нелегко. Мне тоже хотелось заползти куда-нибудь подальше ото всех и спрятаться, окружив себя вещами, которые мне дороги. Но время не стоит на месте, оно залечивает даже самые глубокие раны, и уединение уже перестает быть желанным. Не позволяй себе привязываться к чему-нибудь, что позднее станет для тебя обузой, Майк.

– Ты говоришь так разумно. Хотя ведь ты и раньше была у нас умницей-разумницей.

Бет решила, что ей следует отвлечь Майка от мрачных мыслей. Она сжала его плечи в последний раз и выпрямилась.

– Ну как, поговорим о вырезании шаблонов?

– Ладно... – Он встал и подошел к демонстрационному столику, который не так давно оборудовал Эрни. – Наверное, речь идет вот об этом.

– Твой отец считал, что нам нужно показывать клиентам, как просто работает его изобретение.

– Ну так и покажи мне.

– У меня есть Идея получше – ты сам попробуй. – Бет осмотрела тесную мастерскую. – Кажется, у Эрни где-то хранилось ненужное стекло.

– Да, подожди-ка. – Майк открыл один из шкафчиков и достал кусок кобальтового стекла размером с небольшой блокнот. – Подойдет?

– Замечательно. Но нам нужен какой-нибудь шаблон... – Взяв лежавшие на рабочем столе листок бумаги и ручку, Бет нарисовала сердечко. Она тут же пожалела о том, что выбрала столь неподходящий узор, однако Майк был уже рядом с ней. Она положила лист с нарисованным сердечком на столик, включила подсветку и закрепила поверх бумаги кусок синего стекла. Затем подвела к линии рисунка коленчатый рычаг, установив алмазное колесико прямо над стеклом.

– Ну, попробуй. – Она шагнула назад и указала на табурет перед столиком. – Ты сам удивишься, до чего просто все получается с этим стеклорезом.

– Хорошо, а что я должен делать?

– Возьмись за рукоятки, вот так. – Бет автоматически встала за спиной Майка и накрыла его руки своими. В ту же секунду ее обуял страх – до того приятной и опасной показалась ей такая поза. Бет попыталась было слегка отстраниться, чтобы ее груди не касались спины Майка, но поняла, что это невозможно. Стиснув зубы, она постаралась представить, что демонстрирует принцип работы стеклореза кому-нибудь из покупателей – например, незнакомой пожилой женщине со вставными зубами и супинаторами. – Веди колесиком по стеклу и слушай, когда раздастся треск. Это будет означать, что ты надрезал его. Но что я объясню – ты ведь и раньше этим занимался, так что сам поймешь, когда получится. – Пальцы Майка под руками Бет вовсе не были похожи на морщинистые пальцы незнакомой старухи. Бет ощущала округлость его сильных суставов, мелкие жесткие волоски покалывали ее ладони. Терпкий аромат его лосьона

после бритья туманил ей разум, заставляя представлять, как она прижмется к нему и поднимет голову, встречая его поцелуй. Нет, так просто нельзя!

С трудом переводя дыхание. Бет следила за тем, как колесико стеклореза вгрызается в кобальтовую пластинку.

– Вот так. А теперь веди вдоль закругления. Отлично. Осторожно, я отпускаю руки. – С едва слышным вздохом облегчения она отошла на шаг назад и приложила ладонь к бешено стучавшему сердцу. – Продолжай точно так же, только не дави слишком сильно. Вот, видишь? Замечательно!

Майк выпустил рукоятки стеклореза и взял в руки получившуюся заготовку.

– Фантастика! Теперь я понимаю, почему отец с таким увлечением говорил о своем изобретении. Для работы с ним не требуется никакой начальной подготовки – тут справится даже ребенок.

Мало-помалу пульс Бет приходил в норму.

– Идея возникла у моего отца, когда он вел стеклорезный кружок с использованием традиционных инструментов. Но он... он умер, и им с Эрни не удалось как следует разрекламировать этот стеклорез. – Прошло уже столько времени, а сердце Бет до сих пор сжималось от боли, когда она заговаривала о тех днях.

Майк обернулся к ней, и лицо его смягчилось.

– Именно потому моему отцу так важно наладить торговлю этими стеклорезами, верно? Как дань памяти Питу... – Да, и это... – Бет кашлянула, стараясь говорить обычным голосом, – это одна из причин, почему мне тоже хочется, чтобы у нас все получилось.

– Твой отец был замечательным человеком, – тихо произнес Майк.

Жгучая боль пронзила Бет при его словах.

– Тогда почему же ты не приехал, когда он умер, Майк?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.